

Гилберт Кийт Честертон

Бог в пещере (фрагмент)

Перевод с немецкого
Наталии Трауберг

ФТМ

Гилберт Кит Честертон
Бог в пещере (фрагмент)

«ФТМ»

1925

Честертон Г.

Бог в пещере (фрагмент) / Г. Честертон — «ФТМ», 1925

«Эта книга начинается пещерой; именно с пещерой связывают ученые жизнь первобытного человека, и в пещере нашли древнейшие изображения животных. Вторая половина человеческой истории, подобная новому сотворению мира, тоже начиналась в пещере. И животные были тут, потому что пещера эта служила стойлом для горных жителей у Вифлеема: там и сейчас загоняют скот на ночь в такие ущелья и гроты. Именно здесь, под землей, приютились двое бездомных, когда хозяева переполненных гостиниц захлопнули перед ними двери. Здесь, под самыми ногами прохожих, в погребке мира, родился Иисус Христос. Господь наш тоже был пещерным человеком. Он тоже рисовал странных, пестрых существ на стене мироздания; но Его рисунки обрели жизнь...»

© Честертон Г., 1925

© ФТМ, 1925

Гилберт Кийт Честертон

Бог в пещере (фрагмент)

Часть II

О человеке, который зовется Христом

Глава I

Бог в пещере

Эта книга начинается пещерой; именно с пещерой связывают ученые жизнь первобытного человека, и в пещере нашли древнейшие изображения животных. Вторая половина человеческой истории, подобная новому сотворению мира, тоже начиналась в пещере. И животные были тут, потому что пещера эта служила стойлом для горных жителей у Вифлеема: там и сейчас загоняют скот на ночь в такие ущелья и гроты. Именно здесь, под землей, приютились двое бездомных, когда хозяева переполненных гостиниц захлопнули перед ними двери. Здесь, под самыми ногами прохожих, в погребке мира, родился Иисус Христос. Господь наш тоже был пещерным человеком. Он тоже рисовал странных, пестрых существ на стене мироздания; но Его рисунки обрели жизнь.

Легенды и поэмы, которым нет и не будет конца, повторяют на все лады невыносимый парадокс: руки, создавшие солнце и звезды, не могли дотянуться до тяжелых голов осла и вола. На этом парадоксе, я сказал бы даже, на этой шутке зиждется вся поэзия нашей веры; и, как всякую шутку, ученые ее не замечают. Они скрупулезно растолковывают, сколь невероятно то, что мы сами подчеркиваем с вызовом, даже со смехом; они снисходительно объясняют, сколь дико то, что мы сами зовем невыносимым; они говорят, что это слишком хорошо, чтобы сбыться, — но ведь это сбылось. О контрасте между всемогуществом и детской беспомощностью говорили, пели и кричали тысячи раз в гимнах, колядках, картинках, действиях, песнях и проповедях, и нам вряд ли нужен ученый, чтобы мы заметили некую странность. Все же я немного поговорю о ней, потому что она тесно связана с моей темой. В наше время очень любят подчеркивать роль воспитания в жизни, психологии — в воспитании. Нам непрерывно твердят, что первые впечатления формируют характер, и очень беспокоятся, как бы вкус ребенка не был отравлен на всю жизнь плохо раскрашенной игрушкой, нервная система — расшатана неблагозвучной считалкой. Однако нас сочтут тупыми догматиками, если мы скажем, что есть разница между тем, кто воспитан в христианстве, и другими людьми. Всякий католический ребенок знает по картинкам, всякий протестантский ребенок знает по рассказам о невыносимом сочетании понятий; оно поистине становится одним из его первых впечатлений. Эта разница не теологическая, а психологическая, она долговечней и прочней богословских убеждений. Она, как любят говорить ученые, неискоренима. Для любого агностика или атеиста, знавшего в детстве Рождество, хочет он того или нет, связаны на всю жизнь два понятия, которые для большей части человечества весьма далеки друг от друга: ребенок и неведомая сила, которая поддерживает звезды. Инстинктом и воображением он соединит их даже тогда, когда разум его не увидит в этом смысла. Для него всегда будет привкус веры в изображении матери с ребенком,

привкус жалости и незащитности в страшном имени Божиим. Но эти понятия связаны не для всех. Они не связаны для китайцев или древних греков, даже таких великих, как Аристотель и Конфуций. Связывать Бога с младенцем ничуть не логичней, чем связывать тяготение с котенком. Для нас они связаны Рождеством, потому что мы – христиане по психологии, если не по убеждению. Это сочетание идей, как теперь говорят, меняет в корне нашу природу. Тот, кто знает это, отличается от незнающего. Я совсем не хочу сказать, что он лучше, – мусульманин или еврей могут быть лучше его. Просто в его гороскопе пересекаются две линии; всемогущество и беспомощность, божественность и детство рифмуются для него, и это созвучие не померкнет от тысяч повторений. Да, в Вифлееме поистине сошлись противоположности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.